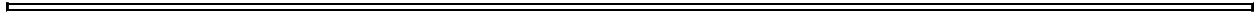

- [Синий фонарь](#)

-

Синий фонарь

Taken: , 1

В палате было почти светло из-за горевшего за окном фонаря. Свет был какой-то синий и неживой, и если бы не луна, которую можно было увидеть, сильно наклоняясь с кровати вправо, было бы совсем жутко. Лунный свет разбавлял мертвенное сияние, конусом падавшее с высокого шеста, делал его таинственнее и мягче. Но когда я свешивался вправо, две железных ножки на секунду повисали в воздухе и в следующий момент громко ударялись в пол, и звук выходил мрачный, странным образом дополняющий синюю полосу света между двумя короткими рядами кроватей.

– Кончай там, – сказал Костыль и показал мне синеватый кулак, – не слышно.

Я стал слушать.

– Про мертвый город знаете? – спросил Толстой. Все молчали. – Ну вот. Уехал один мужик в командировку на два месяца. Приезжает домой и вдруг видит, что все люди вокруг мертвые.

– Чего, прямо лежат на улицах?

– Нет, – сказал Толстой, – они на работу ходят, разговаривают, в очереди стоят. Все как раньше. Только он видит, что они все на самом деле мертвые.

– А как он понял, что они мертвые?

– Откуда я знаю, – ответил Толстой, – это же не я понял, а он. Как-то понял. Короче, он решил сделать вид, что ничего не замечает, и поехал к себе домой. У него жена была. Увидел он ее и понял, что она тоже мертвая. А он ее очень сильно любил. Ну и стал он ее расспрашивать, что случилось, пока его не было. А она ему отвечает, что ничего не случилось. И даже не понимает, чего он хочет. Тогда он решил ей все рассказать и говорит: «Ты знаешь, что ты мертвая?» А жена ему отвечает: «Знаю». Он спрашивает: «А ты знаешь, что в этом городе все мертвые?» Она говорит: «Знаю. А сам-то ты знаешь, почему вокруг одни мертвецы?» Он говорит: «Нет». Она опять спрашивает: «А знаешь, почему я мертвая?» Он опять говорит: «Нет». Она тогда спрашивает: «Сказать?» Мужик испугался, но все-таки говорит: «Скажи». И она ему говорит: «Да потому что ты сам мертвец».

Последнюю фразу Толстой произнес таким сухим и официальным

голосом, что стало почти по-настоящему страшно.

– Да, съездил дядя в командировочку...

Это сказал Коля, совсем маленький мальчик – младше остальных на год или два. Правда, он не выглядел младше из-за того, что носил огромные роговые очки, придававшие ему солидность.

– Теперь ты рассказываешь, – сказал ему Костыль. – Раз первый заговорил.

– Сегодня такого уговора не было, – сказал Коля.

– А он вечный, – ответил Костыль, – давай, не тяни.

– Лучше я расскажу, – сказал Вася, – про синий ноготь знаете?

– Конечно, – отозвался шепот из другого угла. – Кто ж про синий ноготь не знает.

– А про красное пятно знаете? – спросил Вася.

– Нет, не знаем, – ответил за всех Костыль, – давай.

– Раз приезжает семья в квартиру, – медленно заговорил Вася, – а на стене – красное пятно. Дети его заметили и позвали мать, чтоб показать. А мать молчит. Сама так смотрит и улыбается. Дети тогда отца позвали. «Смотри, – говорят, – папа!» А отец матери очень боялся. Он им говорит: «Пошли отсюда. Не ваше дело». А мать улыбается и молчит. Так спать и легли.

Вася замолчал и тяжело вздохнул.

– Ну и что дальше было? – спросил Костыль через несколько секунд тишины.

– Дальше утро было. Утром просыпаются, смотрят – а одного ребенка нет. Тогда дети подходят к маме и спрашивают: «Мама, мама, где наш братик?» А мать отвечает: «Он к бабушке поехал. У бабушки он». Дети и поверили. Мать на работу ушла, а вечером приходит и улыбается. Дети ей говорят: «Мама, нам страшно!» А она опять так улыбается и говорит отцу: «Они меня не слушаются. Выпори их». Отец взял и выпорол. Дети даже убежать хотели, только их мать чем-то таким накормила на ужин, что они сидят и встать не могут...

Раскрылась дверь, и все мы мгновенно закрыли глаза и притворились спящими. Через несколько секунд дверь закрылась. Минуту Вася выжидал, пока в коридоре стихнут шаги.

– На следующее утро просыпаются – смотрят, еще одного ребенка нет. Одна только маленькая девочка осталась. Она у отца и спрашивает: «А где мой средний братик?» А отец отвечает: «Он в пионерлагере». А мать говорит: «Расскажешь кому – убью!» Даже в школу девочку не пустила. Вечером мать приходит, девочку чем-то опять накормила, так что та встать

не могла. А отец двери запер и окна.

Вася опять затих. На этот раз его никто не просил продолжить, и в темноте было слышно только несколько дыханий.

– А потом другие люди приходят, – заговорил он опять, – смотрят, а квартира пустая. Прошел год, и туда новых жильцов вселили. Они увидели красное пятно, подходят, разрезали обои – а там мать сидит, вся синяя, крови насосалась и вылезти не может. Это она все время детей ела, а отец помогал.

Долгое время все молчали, а потом кто-то спросил: – Вась, а у тебя кем мама работает?

– Неважно, – сказал Вася.

– А у тебя сестра есть?

Вася не отвечал – видно, обиделся или заснул.

– Толстой, – сказал Костыль, – давай еще что-нибудь про мертвецов.

– Знаете, как мертвецами становятся? – спросил Толстой.

– Знаем, – ответил Костыль, – берут и умирают.

– И что дальше?

– Ничего, – сказал Костыль, – как сон. Только уже не просыпаешься.

– Нет, – сказал Толстой, – я не про это. С чего все начинается, знаете?

– С чего?

– А с того, что сначала слушают истории про мертвецов. А потом лежат и думают – а чего это мы истории про мертвецов слушаем?

Кто-то нервно хихикнул, а Коля вдруг сел в кровати и очень серьезно сказал:

– Ребята, кончайте.

– Во-во, – с удовлетворением сказал Толстой, – так и становятся. Главное – понять, что ты уже мертвец, а дальше все просто.

– Ты сам мертвец, – неуверенно огрызнулся Коля.

– А я и не спорю, – сказал Толстой. – Ты лучше подумай, почему это ты вдруг с мертвецом разговариваешь?

Коля некоторое время думал. – Костыль, – спросил он, – ты ведь не мертвец?

– Я-то? – спросил Костыль. – Да как тебе сказать.

– А ты, Леша? Леша был колин друг еще по городу.

– Коля, – сказал он, – ну ты сам подумай. Вот жил ты в городе, да?

– Да, – ответил Коля.

– И вдруг отвезли тебя в какое-то место, да?

– Да, – сказал Коля.

– И ты вдруг замечаешь, что лежишь среди мертвецов и сам мертвец.

– Да, – сказал Коля.

– Ну вот, – сказал Леша, – пораскинь мозгами.

– Долго мы ждали, – сказал Костыль, – думали, сам поймешь. За всю смерть такого тупого мертвеца первый раз вижу. Ты что, не понимаешь, зачем мы тут собрались?

– Нет, – сказал Коля. Он сидел на кровати, прижимая ноги к груди.

– Мы тебя в мертвецы принимаем, – сказал Костыль. Коля не то что-то пробормотал, не то всхлипнул, вскочил с кровати и пулей выскочил в коридор, оттуда долетел быстрый топот его босых ног.

– Не ржать, – шепотом сказал Костыль, – он услышит.

– А чего ржать-то? – меланхолично спросил Толстой. Несколько длинных секунд стояла полная тишина, а потом Вася из своего угла спросил:

– Ребят, а вдруг...

– Да ладно тебе, – сказал Костыль. – Толстой, давай еще чего-нибудь.

– Вот был такой случай, – заговорил Толстой после паузы. – Договорились несколько человек напугать своего приятеля. Переоделись они мертвецами, подходят к нему и говорят: «Мы мертвецы. Мы за тобой пришли». Он испугался и убежал. А они постояли, посмеялись, а потом один из них и говорит: «Слушайте, ребят, а чего это мы мертвецами переоделись?» Они все на него посмотрели и не могут понять, что он сказать хочет. А он опять: «А чего это от нас живые убегают?»

– Ну и что? – спросил Костыль.

– А то, – ответил Толстой. – Вот тут-то они все и поняли.

– Что поняли?

– А что надо, то и поняли.

Стало тихо, а потом заговорил Костыль: – Слушай, Толстой, – сказал он, – ты нормально можешь рассказывать?

Толстой молчал. – Эй, Толстой, – опять заговорил Костыль, – ты чего молчишь-то? Умер, что ли?

Толстой молчал, и его молчание с каждой секундой становилось все многозначительней. Мне захотелось на всякий случай что-нибудь сказать вслух.

– Про программу «Время» знаете? – спросил я.

– Давай, – быстро сказал Костыль.

– Она не очень страшная, – сказал я.

– Все равно давай.

Я не помнил точно, как кончалась история, которую я собирался рассказать, но решил, что вспомню, пока буду рассказывать.

– В общем, жил был один мужик, было ему лет тридцать. Сел он один раз смотреть программу «Время». Включил телевизор, подвинул кресло, чтоб удобней было. Там сначала появились часы – ну, как обычно. Он, значит, свои проверил – правильно ли идут. Все как обычно было. Короче, пробило ровно девять часов. И появляется на экране слово «Время», только не белое, как всегда раньше было, а почему-то черное. Ну, он немножко удивился, но потом решил, что это просто новое оформление сделали, и стал смотреть дальше. А дальше все опять было как обычно. Сначала какой-то трактор показали, потом израильскую армию. Потом сказали, что какой-то академик умер, потом немного показали про спорт, а потом про погоду – прогноз на завтра. Ну все, «Время» кончилось, и мужик решил встать с кресла.

– Потом напомните, я про зеленое кресло расскажу, – влез Вася.

– Значит, хочет он с кресла встать и чувствует, что не может. Сил совсем нет. Тогда он на свою руку поглядел и видит, что на ней вся кожа дряблая. Он тогда испугался, изо всех сил напрягся, встал с кресла и пошел к зеркалу в ванную, а идти трудно... Но все-таки кое-как дошел. Смотрит на себя в зеркало и видит – все волосы у него седые, лицо в морщинах и зубов нет. Пока он «Время» смотрел, вся жизнь прошла.

– Это я знаю, – сказал Костыль. – То же самое, только там про футбол с шайбой было. Мужик футбол с шайбой смотрел.

В коридоре слышались шаги и раздраженный женский голос, и все мы мгновенно стихли, а Вася даже начал неестественно храпеть. Через несколько секунд дверь распахнулась и в палате загорелся свет.

– Так, кто тут главный мертвец? Толстенко, ты? – На пороге стояла Антонина Васильевна в белом халате, а рядом с ней – зареванный Коля, тщательно прячущий взгляд под батареей в углу.

– Главный мертвец, – с достоинством ответил Толстой, – в Москве на Красной площади. А чего это вы меня ночью будите?

От такой наглости Антонина Васильевна растерялась. – Входи, Аверьянов, – сказала она наконец, – и ложись. А с мертвецами завтра начальник лагеря разберется. Как бы они по домам не поехали.

– Антонина Васильевна, – медленно выговорил Толстой, – а почему на вас халат белый?

– Потому что надо так, понял? – Коля быстро взглянул на Антонину Васильевну. – Иди в кровать, Аверьянов, – сказала она, – и спи. Мужчина ты или нет? А ты, – она повернулась к Толстому, – если еще хоть слово скажешь, пойдешь стоять голым в палату к девочкам. Понял?

Толстой молча смотрел на халат Антонины Васильевны. Она оглядела

себя, потом подняла взгляд на Толстого и покрутила пальцем у лба. Потом внезапно разозлилась и даже покраснела от злости.

– Ты мне не ответил, Толстенко, – сказала она, – ты понял, что с тобой будет?

– Антонина Васильевна, – заговорил Костыль, – вы же сами сказали, что если он еще хоть слово скажет, вы его... Как же он вам ответит?

– А с тобой, Костылев, – сказала Антонина Васильевна, разговор вообще будет особый, в кабинете директора. Запомни.

Погас свет, и хлопнула дверь. Некоторое время – минуты, наверно, три – Антонина Васильевна стояла за дверью и слушала. Потом послышались ее тихие шажки по коридору. На всякий случай мы еще минуту-две молчали. Потом раздался шепот Костыля:

– Слушай, Коля, как ты от меня завтра в рог получишь...

– Я знаю, – печально отозвался Коля.

– Ой как получишь...

– Про зеленое кресло будете слушать? – спросил Вася. Никто не ответил.

– На одном большом предприятии, – заговорил он, – был кабинет директора. Там был ковер, шкаф, большой стол и перед ним – зеленое кресло. А в углу кабинета стояло переходящее красное знамя, которое было там очень давно. И вот одного мужика назначили директором этого завода. Он входит в кабинет, посмотрел по сторонам, и ему очень все понравилось. Ну, значит, сел он в это кресло и начал работать. А потом его заместитель заходит в комнату, смотрит – а вместо директора в кресле скелет сидит. Ну, вызвали милицию, все обыскали и не нашли ничего. Потом, значит, назначили заместителя директором. Сел он в это кресло и стал работать. А потом в кабинет входят, смотрят – а в кресле опять скелет сидит. Опять вызвали милицию и опять ничего не нашли. Тогда нового директора назначили. А он уже знал, что с другими директорами случилось, и заказал себе большую куклу размером с человека. Он ее одел в свой костюм и посадил в кресло, а сам отошел, спрятался за штору – потом напомним, я про желтую штору вспомнил – и стал смотреть, что будет. Проходит час, два проходит. И вдруг он видит, как из кресла выдвигаются такие металлические спицы и со всех сторон куклу обхватывают. А одна такая спица – прямо за горло. А потом, когда спицы куклу задушили, переходящее красное знамя выходит из угла, подходит к креслу и накрывает эту куклу своим полотнищем. Прошло несколько минут, и от куклы ничего не осталось, а переходящее красное знамя отошло от стола и встало обратно в угол. Мужик тогда тихо вышел из кабинета, спустился

вниз, взял с пожарного щита топор, вернулся в кабинет да как рубанет по переходящему знамени. И тут такой стон раздался, а из деревяшки, которую он перерубил, на пол кровь полилась.

– А что дальше было? – спросил Костыль.

– Все, – ответил Вася.

– А с мужиком что случилось?

– Посадили в тюрьму. За знамя.

– А со знаменем?

– Починили и назад поставили, – поразмышляв, ответил Вася.

– А когда нового директора назначили, что с ним случилось?

– То же самое. – Я вдруг вспомнил, что в кабинете у директора, в углу, стоят сразу несколько знамен с выведенными на них краской номерами отрядов, эти знамена он уже два раза выдавал во время торжественных линеек. Кресло у него в кабинете тоже было, но не зеленое, а красное, вращающееся.

– Да, я забыл, – сказал Вася, – когда мужик из-за шторы вышел, он уже весь седой был. Про желтую штору знаете?

– Я знаю, – сказал Костыль.

– Толстой, ты про желтую штору знаешь? – Толстой молчал. – Эй, Толстой! – Толстой не отзывался.

Я думал о том, что у меня дома в Москве на окнах как раз висят желтые шторы – точнее, желто-зеленые. Летом, когда дверь балкона все время открыта и снизу, с бульвара, долетает шум моторов и запах бензиновой гари, смешанный с запахом каких-то цветов, что ли, – я часто сижу возле балкона в зеленом кресле и смотрю, как ветер колышет желтую штору.

– Слышь, Костыль, – неожиданно сказал Толстой, – а в мертвецы не так принимают, как ты думаешь.

– А как? – спросил Костыль.

– Да по-разному. Только при этом никогда не говорят, что принимают в мертвецы. И поэтому мертвецы потом не знают, что они уже мертвые, и думают, что они еще живые.

– Тебя что, уже приняли?

– Не знаю, – сказал Толстой. – Может, уже приняли. А может, потом примут, когда в город вернусь. Я ж говорю, они не сообщают.

– Кто «они»?

– Кто-кто. Мертвые.

– Ну ты опять за свое, – сказал Костыль, – заткнулся бы. Надоело уже.

– Во-во, – подал голос Коля, – точно. Надоело.

– А ты, Коля, – сказал Костыль, – все равно завтра в рог получишь.

Толстой немного помолчал. – Самое главное, – опять заговорил он, – что те, кто принимает, тоже не знают, что они принимают в мертвецы.

– Как же они тогда принимают? – спросил Костыль.

– Да как хочешь. Допустим, ты про что-то у кого-нибудь спросил или включил телевизор, а тебя на самом деле в мертвецы принимают.

– Я не про это. Они же должны знать, что они кого-то принимают, когда они принимают.

– Наоборот. Как они могут что-то знать, если они мертвые.

– Тогда совсем непонятно получается, – сказал Костыль. Как тогда понять, кто мертвец, а кто живой?

– А ты что, не понимаешь?

– Нет, – ответил Костыль, – выходит, нет разницы.

– Ну вот и подумай, кто ты получаешься, – сказал Толстой. Костыль сделал какое-то движение в темноте, и что-то с силой стукнулось о стену над самой головой Толстого.

– Идиот, – сказал Толстой. – Чуть в голову не попал.

– А мы все равно мертвые, – сказал Костыль, – подумаешь.

– Мужики, – опять заговорил Вася, – про желтую штору рассказывать?

– Да иди ты в жопу со своей желтой шторой, Вася. Сто раз уже слышали.

– Я не слышал, – сказал из угла Коля.

– Ну и что, из-за тебя все слушать должны? А потом опять к Антонине побежишь плакать.

– Я плакал, потому что нога болит, – сказал Коля. – Я ногу ушиб, когда выходил.

– Ты, кстати, рассказывать должен был. Ты тогда заговорил первый. Думаешь, мы забыли? – сказал Костыль.

– Вместо меня Вася рассказал, – сказал Коля.

– Он не вместо тебя рассказал, а просто так. А сейчас твоя очередь. А то завтра точно в рог получишь.

– Знаете про черного зайца? – спросил Коля. Я почему-то сразу понял, о каком черном зайце он говорит: в коридоре перед столовой среди прочего висела фанерка с выжженным зайцем в галстук – из-за того, что рисунок был выполнен очень добросовестно и подробно, заяц действительно казался совсем черным.

– Вот. А говорил, не знаешь ничего. Давай.

– Был один пионерлагерь. И там на главном корпусе на стене были нарисованы всякие звери, и один из них был черный заяц с барабаном. У

него в лапы почему-то были вбиты два гвоздя. И вот однажды шла мимо одна девочка – с обеда на тихий час. И ей стало этого зайца жалко. Она подошла и вынула гвозди. И ей вдруг показалось, что черный заяц на нее смотрит, словно он живой. Но она решила, что это ей показалось, и пошла в палату. Начался тихий час. И тогда черный заяц вдруг начал бить в свой барабан. И сразу же все, кто был в этом лагере, заснули. И им стало сниться, что тихий час кончился, что они проснулись и пошли на полдник. Потом они вроде бы стали делать все как обычно – играть в пинг-понг, читать и так далее. А это им все снилось. Потом кончилась смена, и они поехали по домам. Потом они все выросли, кончили школу, женились и стали работать и воспитывать детей. А на самом деле они просто спали. И черный заяц все время бил в свой барабан.

Коля замолчал.

– Что-то непонятно, – сказал Костыль. – Вот ты говоришь, что они разъехались по домам. Но ведь там у них родители, знакомые ребята. Они что, тоже спали?

– Нет, – сказал Коля. – Они не то что спали. Они снились.

– Полный бред, – сказал Костыль. – Ребят, вы что-нибудь поняли?

Никто не ответил. Похоже, почти все уже заснули.

– Толстой, ты понял что-нибудь? – Толстой заскрипел своей кроватью, нагнулся к полу и швырнул что-то в Колю.

– Ну и сволочь ты, – сказал Коля. – Сейчас в морду получишь.

– Отдай сюда, – сказал Костыль. Это был его кед, которым он перед этим швырнул в Толстого.

Коля отдал кед.

– Эй, – сказал мне Костыль, – ты чего молчишь все время?

– Так, – сказал я. – Спать охота. Костыль заворочался в кровати. Я думал, он скажет что-то еще, но он молчал. Все молчали. Что-то пробормотал во сне Вася.

Я глядел в потолок. За окном качалась лампа фонаря, и вслед за ней двигались тени в нашей палате. Я повернулся лицом к окну. Луны уже не было видно. Вокруг было совсем тихо, только где-то очень далеко дробно стучали колеса ночной электрички. Я долго глядел на синий фонарь за окном и сам не заметил, как заснул.